

В кремешной тьме застыл силуэт чудовища. Мертвые, лишенные блеска глаза целились прямо в грудь, точно готовые сорваться с тетивы стрелы.

Рыжий резко сел на постели, тяжело дыша.

Лицо его побелело, лоб покрыла ледяная испарина. С тех пор как он сбежал из той проклятой виллы, кошмары не отпускали три дня кряду. Поначалу он пытался убедить себя, будто все увиденное — лишь пьяный бред, плод больного воображения, порожденный страхом перед разоблачением. Но с каждой ночью ужас становился все осязаемее, все беспощаднее.

Со временем грань между вымыслом и реальностью стерлась окончательно. Рыжий стремительно худел, теряя силы, словно с него заживо сдирали кожу.

Он сидел на краю кровати, тупо глядя в пол. Снаружи донесся негромкий стук в дверь. Стерев рукавом пот со лба, парень поднялся и нехотя отпер замок.

На пороге стоял встревоженный дед.

— Из школы звонили, спрашивали, почему тебя нет, — тихо, не решаясь упрекнуть, произнес старик. — Ты вообще собираешься возвращаться к учебе? На тебе же лица нет...

Рыжий раздраженно нахмурился. Схватив с вешалки куртку, он бросил на ходу:

— Да знаю я.

— А рюкзак? Рюкзак-то возьми! — полетело ему в спину.

Улица Шанцзин

Ноги сами привели его сюда. Рыжий накинул капюшон пониже и застыл в отдалении под порывами сырого осеннего ветра, не сводя глаз с виллы.

Днем, без ночного сумрака, стало очевидно, насколько это место уединенное. В радиусе сотен метров — ни единой живой души, только этот особняк. Даже птицы облетали его стороной.

Рыжий зябко передернул плечами и застегнул куртку до самого подбородка.

Он прятал лицо в высокий воротник. Изголодавшийся, бледный, он выглядел мрачным и загнанным, а в расширенных зрачках метался дикий, непреходящий страх. Память неохотно

воспроизводила детали той жуткой ночи, но ощущение липкого ужаса не отпускало ни на миг.

Было невыносимо осознавать, что совсем рядом, в этом тихом доме, обитает нечто столь противоестественное. Но сон упрямо твердил: все правда.

Рыжий понимал — если он не получит ответов, то просто сойдет с ума.

В его душе бушевала буря. Вцепившись пальцами в ткань карманов, он во все глаза смотрел на закрытые ворота виллы.

Кафе в центре города

— К генеральному директору Пэю в последнее время так просто не подступиться, — добродушно рассмеялся директор Ли. — То, что вы всё-таки уделили мне время, льстит моему самолюбию.

Если бы на кону не стоял контракт с девятизначной суммой, Пэй Чан вряд ли согласился бы на эту встречу. За три часа, проведенных в кофейне, он посмотрел на часы добрый десяток раз.

На реплику собеседника Пэй Чан отвечать не стал. Он лишь откинулся на спинку кресла, изучая Ли холодным, бесстрастным взглядом. Весь его вид красноречиво говорил: «Говори быстрее и проваливай».

Ли ничуть не обиделся. Он тихо хмыкнул, качая головой, а затем вздохнул:

— А я-то думал, вы человек абсолютно бесстрастный, далекий от плотских и душевных утех. Какая жалость. Знать бы раньше — непременно устроил бы вам встречу со своей младшей дочерью.

Пэй Чан пропустил эти слова мимо ушей. Люди его круга не торгуют собственными детьми ради сделок, это была лишь дежурная светская колкость.

Вдруг его телефон тихо пискнул — особый, выделенный сигнал сообщения нарушил тишину, что было не совсем вежливо в разгаре переговоров. Но поскольку все важные вопросы уже обсудили, Пэй Чан без тени смущения взял аппарат.

Это была фотография от Цинь Ихэ.

Самая обыкновенная, слегка небрежная миска с домашним жареным рисом.

Взгляд Пэй Чана мгновенно потеплел, губы его тронула едва заметная улыбка.

В последнее время Цинь Ихэ упорно, хоть и неуклюже, учился готовить. Только ради него. Учеба давалась тяжело, но монстр старался изо всех сил, и первые результаты уже появились.

Казалось бы — просто тарелка риса с яйцом. Но Пэй Чан смотрел на нее так, словно перед ним было произведение искусства.

Цинь Ихэ почти никогда не говорил и крайне редко писал сообщения. Но в этом простом снимке Пэй Чан отчетливо расслышал то, что не требовало слов:

"Я жду тебя дома"

Всего четыре слова, а в груди защемило от щемящей, затапливающей нежности. Прежде он не понимал, что такое дом. Он вырос в холодных стенах, где каждый шаг подчинялся чужой воле, и даже влюбившись в Цинь Ихэ, не смел мечтать о тихом семейном будущем.

Но сейчас его переполняла глухая, обжигающая благодарность судьбе. Ему хотелось сорваться с места прямо сейчас. Лететь туда, где его ждал единственный по-настоящему близкий человек.

— Давненько я не видел вас в таком хорошем расположении духа, Генеральный директор Пэй,
— заметил директор Ли.

Пэй Чан поднял глаза. Тепло, еще не угасшее в его янтарном взгляде, смешивалось с мягкой, почти интимной истомой. Он выглядел непривычно живым. В этой расслабленности сквозила притягательная, зрелая сексуальность, а белые волосы, казалось, отливали серебром в лучах полуденного солнца.

— Вот как? — Пэй Чан слегка приподнял подбородок. Холодная властность, обычно исходившая от него, сменилась ленивым, уверенным спокойствием.

Директор Ли скользнул взглядом по шее собеседника и понимающе улыбнулся.

— Вижу, дела у вас идут как нельзя лучше.

Пэй Чан невольно коснулся пальцами кадыка — туда, где под воротником скрывался свежий след от зубов. Он усмехнулся, но ничего не ответил.

Вилла на улице Шанцзин

С тех пор как они вернулись из Императорского сада, Пэй Чан редко задерживался на работе дольше пяти вечера. Сегодня он опоздал на час. На улице уже зажглись редкие фонари, отбрасывая длинные, ломаные тени от вековых деревьев.

Рыжий просидел в засаде за широким стволом весь день.

Когда фары автомобиля разрезали сумерки и машина Пэй Чана остановилась у чугунных ворот, парень напрягся как струна. Он затаил дыхание, наблюдая, как Пэй Чан выходит из салона, и машина тут же срывается с места — словно водитель панически боялся задержаться здесь хоть на лишнюю секунду.

Липкий страх снова сжал сердце Рыжего. Но, пересилив себя, он бесшумно двинулся следом вдоль кованой ограды.

И тут входная дверь распахнулась.

Из темного проема потянулись длинные, неестественно бледные руки. Пэй Чан, словно в полузабытьи, шагнул вперед и крепко прижался к... чудовищу.

Да, это было чудовище.

Его невероятно высокий, истощенный силуэт казался воплощением ночных кошмаров. Длинные, как ночные тени, волосы ниспадали до самых икр и колыхались, точно темные водоросли в текучей воде. Они укутывали мертвенно-бледное тело, но не могли скрыть проступающую на коже сетку багровых вен, напоминающих зловещие племенные узоры.

Кошмар ожил.

Рыжий застыл, не в силах вздохнуть от сковавшего его ужаса.

Внезапно сквозь пряди длинных волос на него уставились два абсолютно черных, лишенных белков глаза. В упор.

Ноги парня подкосились, и он с глухим стуком повалился на землю. Страх сдавил горло так, что он не смог даже закричать. Из груди вырвался лишь жалкий, хриплый стон. Разум отключился, остался только животный инстинкт: бежать. Бежать отсюда как можно дальше, не оглядываясь.

Уткнувшись лицом в грудь Цинь Ихэ, Пэй Чан медленно повернул голову. Глядя на то, как испуганный парень, спотыкаясь и падая, удирает прочь, он хищно прищурился. В его янтарных

глазах вспыхнул опасный, ледяной огонек.

Но уже в следующий миг он спрятал этот взгляд. Потянувшись на цыпочках вверх, он накрыл губы Цинь Ихэ своими.

Система 7008, наблюдавшая за этим из своего угла, тоскливо зевнула, перевернулась на другой бок и накрыла свое крошечное тельце обрывком старой газеты. Ей было чертовски одиноко.

Клуб. Закрытый бокс

Рыжий мучился от дурных предчувствий несколько дней, пока в один из вечеров его не перехватили по дороге из школы и не привезли в полумрак глухого вип-зала.

Открыв глаза, он увидел сидящего напротив Пэй Чана. От былой спеси парня не осталось и следа — теперь он смотрел на мужчину с куда большим ужасом, чем на то существо у виллы.

— Что... что ты хочешь сделать? — заикаясь, выдавил он. Его зрачки панически расширились.

Пэй Чан не торопясь натягивал белоснежные перчатки, аккуратно расправляя ткань на длинных пальцах. Это движение выглядело пугающе элегантно.

Он сидел, небрежно закинув ногу на ногу и сложив руки на животе. Заметив, как мальчишка трясется от страха, он тихо, зловеще усмехнулся.

В полумраке бокса Пэй Чан казался Рыжему восставшим из могилы демоном.

Мужчина плавно поднялся. Кожаные туфли бесшумно ступали по мягкому ковру, пока он не остановился вплотную к замершему парню.

— Ты приходил к моему дому?

Тихий, почти ласковый вопрос лишил Рыжего последних остатков мужества. Он затрясся мелкой дрожью, не в силах связать и пары слов:

— Что... что тебе нужно...

— Это противозаконно!

— Ты не имеешь права... не смей трогать меня...

Пэй Чану надоел этот бессвязный лепет. Он раздраженно прикрыл глаза.

Затем достал сигарету и неторопливо прикурил.

В следующую секунду тишину разорвал хлесткий, тяжелый удар. Пощечина была такой силы, что лицо Рыжего мгновенно распухло.

Система 7008 испуганно икнула, мгновенно приняла благообразный вид и замерла, боясь шелохнуться.

Парень опешил. В его глазах дикий страх на мгновение смешался с уязвленной гордостью, и остатки здравого смысла утонули в ярости.

— Ах ты, сука...

Шлеп!

Второй удар едва не выбил ему зубы.

Пэй Чан спокойно затянулся, стряхнул пепел и ровным голосом спросил:

— Больно?

На лбу Рыжего вздулись вены, глаза налились кровью, как у бешеного зверька.

— Да кто ты, блядь, такой?!

Шлеп!

— За что ты меня бьешь, урод?!

Шлеп!

Лишь когда изо рта парня на ковер вылетел окровавленный зуб, его пыл окончательно угас. Силы сопротивляться иссякли.

Пэй Чан снова стряхнул пепел. На его лице не отразилось ни единой эмоции.

— Больно?

Рыжий тупо смотрел перед собой, сплевывая кровь.

— Больно...

— Вот и славно. Запомни это чувство. Пока тебе больно — ты жив.

Парень сжался, чувствуя, как его окутывает могильный холод. Никаких мыслей о мести или протесте в его голове больше не осталось.

— Впредь будь умнее, — Пэй Чан резко схватил его за волосы, заставляя закинуть голову, и впился в него безумным, леденящим душу взглядом. — Мне плевать, что ты там увидел. Запомни: ты ничего не видел. Следи за своими глазами, а еще лучше — держи язык за зубами. Если сорвется хоть слово...

Увидев неприкрытое безумие в глазах мужчины, Рыжий ощутил, словно ему перерезали горло и пустили туда ледяной ветер. Отчаяние лишило его голоса. Сердце едва не остановилось.

Спустя бесконечную минуту он с трудом выдавил:

— Я... я понял.

Пэй Чан мгновенно отпустил его и вернул себе прежнюю холодную невозмутимость, будто секунду назад здесь не бушевало безумие.

Он аккуратно расправил складки на куртке парня и негромко произнес:

— Возвращайся в школу.

Эти будничные слова окончательно добили Рыжего. Оставшиеся силы покинули его, и он сполз со стула прямо на пол, безжизненно уткнувшись лбом в ковер.

Пэй Чан тем временем стащил перчатки, брезгливо швырнул их в урну и, не оборачиваясь, вышел из душного бокса.

Стоило Пэй Чану переступить порог виллы, как его тут же сжали сильные, горячие объятия.

Он с облегчением зажмурился, растворяясь в неестественном тепле чужого тела.

Цинь Ихэ склонил голову и нежно коснулся губами его волос.

Тело Пэй Чана тут же отозвалось дрожью. Щеки залил нездоровый румянец, а влажные янтарные глаза подернулись истомой.

— Потерпи еще немного. Скоро я со всем разберусь, — прошептал он, крепче обнимая монстра за пояс и жадно вдыхая его родной, ни на что не похожий запах. В глубине его зрачков клубилась тьма. — Я больше никому не позволю отнять то, что принадлежит мне.

Цинь Ихэ молча смотрел на лунный свет, струящийся сквозь стекло. В его черных глазах не было мыслей о будущем. Ему было все равно, что задумал Пэй Чан. Это не имело значения.

С тех пор как его личный мир сузился до размеров душного чердака, в нем остался только один человек. И этот человек для него никогда не менялся. Он оставался все тем же чистым, прекрасным юношей, в которого он влюбился в свои восемнадцать лет.

Цинь Ихэ мягко обхватил лицо Пэй Чана ладонями, и его влажный, длинный язык скользнул в приоткрытый рот мужчины, вовлекая его в глубокий, тягучий поцелуй.

В этот миг их сердца забились в унисон, связанные невидимой, но неразрывной нитью. Они знали: в этом огромном, холодном мире друг для друга они — единственное прибежище.

Вилла. Год спустя

Казалось, жизнь наконец-то вошла в мирную колею.

В доме царил покой. Прислуга молча занималась своими делами, усердно делая вид, будто не замечает доносящихся со второго этажа звуков. К этому давно привыкли. Никто из них никогда не видел таинственного сожителя хозяина, но иногда сквозь закрытые двери спальни прорывался глухой, низкий мужской голос, зовущий Пэй Чана по имени.

Пэй Чан спустился по лестнице в просторном шелковом халате, от него пахло влажной свежестью после душа.

Остановившись на ступенях, он холодно бросил слугам:

— Свободны. Все на выход.

Люди послушно склонили головы и потянулись к дверям.

— И закройте за собой.

Дворецкий на секунду замешкался, но спорить не посмел. Тяжелая дубовая дверь захлопнулась с глухим стуком, отрезая дневной свет. Особняк превратился в неприступную, скрытую от чужих глаз крепость.

Пэй Чан обернулся к спускающемуся со второго этажа Цинь Ихэ.

Они не могли выйти вместе под солнце. Мир Цинь Ихэ замкнулся на одном человеке, и в нем больше никогда не должно было появиться посторонних. Но когда Пэй Чан смотрел на него, его душу затапливала извращенная, сладостная гордость. Он понимал, что это эгоистично и уродливо, но мысль о том, что монстр принадлежит только ему, приносила почти физическое наслаждение.

Цинь Ихэ взял его за руку. Пэй Чан улыбнулся.

Они спустились в столовую, держась за руки, как самая обычная любящая пара.

Сегодня был день рождения Пэй Чана.

Его праздник наступал ровно на день раньше, чем у Цинь Ихэ.

На столе их ждали заготовки: пышный бисквит и миски со взбитым кремом. Цинь Ихэ уселся на стул и одним движением усадил Пэй Чана к себе на колени.

Учить монстра готовить праздничный торт для самого себя — в этом для Пэй Чана крылось особое, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Цинь Ихэ уткнулся подбородком в его макушку. Неуклюжие, длинные пальцы легли поверх ладоней Пэй Чана, пытаясь вместе с ним вывести кремом узор на бисквите. Но вместо аккуратного смайлика на корже расплылась уродливая клякса.

Пэй Чан не выдержал и негромко рассмеялся.

— Ну ты и глупыш.

Рука Цинь Ихэ дрогнула. Поняв, что у него ничего не выходит, он упрямо разжал пальцы и отвернулся.

Несмотря на то что монстр почти не говорил, характер у него был тот еще. Если что-то шло не так, он начинал дуться, замыкался в себе и демонстративно игнорировал Пэй Чана.

Пэй Чан повернулся к нему лицом и ласково коснулся его щеки:

— Ну чего ты надулся?

Цинь Ихэ упрямо отвел взгляд. Он по-своему понимал слово «глупыш» — для него это означало, что любимый им недоволен.

Пэй Чан рассмеялся еще громче, его янтарные глаза сузились в задорные полумесяцы.

Цинь Ихэ искоса взглянул на него и замер. В его памяти Пэй Чан крайне редко смеялся так искренне и беззаботно.

Вдруг на кончик носа монстра опустилась капля сладкого крема. Цинь Ихэ глупо моргнул, смешно сморщившись.

Пэй Чан, не переставая улыбаться, обхватил его лицо руками, поцеловал в щеку и аккуратно слизнул крем с его носа.

— Сладкий какой, — прошептал он.

Угрюмая мина на лице Цинь Ихэ мгновенно растаяла.

— Совсем как маленький... — Пэй Чан осекся, и улыбка застыла на его губах.

В каком-то смысле время для Цинь Ихэ действительно навсегда остановилось в его восемнадцать лет.

Заметив, как угасло веселье на лице любимого, Цинь Ихэ испуганно прижал его к себе, потерся щекой о его плечо и снова потянулся к кондитерскому мешку, показывая, что готов продолжить.

Пэй Чан заставил себя улыбнуться:

— А мне ведь уже двадцать девять.

Цинь Ихэ бережно поднес его ладонь к губам и поцеловал пальцы.

"Неважно. Я всегда буду с тобой"

Они снова вели себя как подростки, пытаясь наверстать упущенные годы. Вскоре лица обоих были перемазаны кремом.

Глядя на получившееся кулинарное убожество, Пэй Чан тихо посмеивался. Цинь Ихэ тоже беззвучно улыбнулся, но, спохватившись, тут же сомкнул губы, пряча острые клыки.

Однако Пэй Чан не позволил ему закрыться. Он прильнул к нему, потерся своим носом о его нос, пачкая лицо монстра остатками крема.

Увидев его растерянный, уморительный вид, Пэй Чан рассмеялся в голос.

Спустя секунду Цинь Ихэ тоже беззвучно затрясся от смеха.

Все остальное не имело значения. Пока Пэй Чан счастлив, счастлив и он.

В этот момент его обычно пугающее, искаженное лицо светилось такой мягкой, юношеской теплотой, словно перед Пэй Чаном снова стоял тот чистый, аккуратный мальчик из далекого прошлого.

Пэй Чан завороченно смотрел на эту улыбку, и его взгляд наполнялся глубокой, бесконечной нежностью.

Вдруг в кармане завибрировал телефон.

Он достал аппарат и скользнул взглядом по экрану. Писал двоюродный дядя, менеджер Пэй:

"Председатель снова в реанимации"

Лицо Пэй Чана осталось безучастным. Ему было плевать.

Вслед за этим пришло второе сообщение:

"Старик, кажется, не дотянет до утра"

Пэй Чан заблокировал экран, поднял глаза на Цинь Ихэ и мягко улыбнулся:

— Надо же, сколько хороших новостей в один день.

Он откинулся на грудь монстра, глядя в пустоту потемневшими, непроницаемыми глазами.

Больница

На следующий день Пэй Чан не появился в офисе. В корпорации к этому давно привыкли — сотрудники научились работать так, чтобы не беспокоить руководителя без крайней необходимости.

Сам Пэй Чан в это время стоял перед зеркалом в спальне.

С тех пор как они перебрались на чердак, он редко заходил в хозяйские покои. На нем был безупречный, дорогой белый костюм, идеально повязанный галстук — весь его облик дышал торжественностью.

Он неторопливо разгладил лацканы, закрепил роскошную брошь с драгоценным камнем, застегнул тяжелые бриллиантовые запонки и аккуратно вложил в нагрудный карман свежий бутон белой гардении.

Напоследок он тщательно зачесал назад свои белоснежные волосы и с абсолютным спокойствием на лице вышел из дома.

Двоюродный дядя, менеджер Пэй, взволнованно мерил шагами коридор перед реанимацией. Увидев столь парадно одетого племянника, он оторопел, а затем поспешно отвел глаза.

— Господин генеральный директор...

Его сердце бешено колотилось, а душу душило нехорошее предчувствие.

Пэй Чан смерил его холодным взглядом сверху вниз и негромко произнес:

— Поздравляю, менеджер Пэй.

Дядя непонимающе вскинул голову.

Но глядя на сияющего, ослепительно белого Пэй Чана, стоявшего против света, он зажмурился. Он не мог разглядеть выражения лица племянника, но паника в груди разрасталась с удвоенной силой.

— Свою службу вы сослужили, — ровным, ледяным тоном добавил Пэй Чан. — Считайте, ваш

долг выплачен.

От этих слов менеджера Пэя пробил крупный озноб. Холод сковал тело.

В этот момент в его кармане пискнул телефон.

Дрожащими руками он достал мобильный. На экране светилось официальное уведомление об увольнении из корпорации Пэй.

Но страшнее было то, что шло следом.

В связи с подозрением в растрате и незаконном присвоении активов компании, дело передано в полицию. От него требовали немедленно явиться к следователю.

Телефон с глухим стуком выпал из ослабевших пальцев. Менеджер Пэй, мешком осев на пол, раздавленно уставился в стену.

Пэй Чан даже не повернул головы. Он прошел мимо него к дверям палаты.

Красная лампа над реанимацией еще горела. Стоило Пэй Чану подойти ближе, как двери распахнулись и навстречу вышел утомленный врач с бланком согласия на экстренное вмешательство.

— Генеральный директор Пэй...

Пэй Чан молча взял ручку и уверенным почерком вывел подпись под отказом от реанимационных мероприятий.

Врач осекся, не закончив фразу. Он тяжело вздохнул и лишь тихо произнес:

— Если хотите попрощаться — идите.

Свет над дверью погас.

Пэй Чан застыл в пустом больничном коридоре. За окном клубились тяжелые грозовые тучи, то и дело скрывая скудное солнце.

Никто не знал, о чем он думает. На лице не дрогнул ни один мускул, янтарные глаза казались

застывшим стеклом.

В этот миг он снова стал похож на прежнего себя — холодное, безжизненное изваяние. Но стоило первому лучу солнца пробиться сквозь тучи, как морок рассеялся. Его пустая, некогда выжженная душа теперь была заполнена огромной, глубокой тенью, которая, несмотря на свой зловещий вид, грела его преданной и безусловной любовью.

Пэй Чан шевельнулся и толкнул дверь палаты.

Система 7008, дремавшая на соседней кушетке, мгновенно села и с каменным лицом уставилась на вошедшего.

На больничной койке лежал иссохший, похожий на мумию старик. Старейшина Пэй с трудом повернул голову в сторону внука. Болезнь выпила из него все соки, превратив некогда могущественного патриарха в живой труп. Лишь в глубоко запавших, мутных глазах еще теплился угасающий огонек безумной, гордой воли.

— Ты... осознал свои ошибки? — прохрипел старик сквозь пластиковую маску кислородного аппарата. Его голос казался шорохом сухих листьев.

Пэй Чан посмотрел ему в глаза. В них по-прежнему горела все та же слепая гордыня, презрение к слабости и ледяное упрямство.

— А ты? — негромко спросил Пэй Чан. — Ты хоть о чем-то жалеешь?

Эти простые слова прозвучали как окончательный приговор всей жизни старика.

Тот дернулся, лицо его исказила бешеная гримаса. Потеряв остатки бывшего величия, старейшина стал похож на злобного, изможденного беса.

— Жалею?! С чего бы мне жалеть! Это ты виноват! Ты, неблагодарная тварь! Ты отказался подчиняться! Ты...

Пэй Чан безучастно смотрел, как старик заходится в глухом, предсмертном кашле, пачкая прозрачный пластик маски кровавыми брызгами.

Даже на пороге могилы дед оставался верен своей слепой гордыне.

Вдруг Пэй Чан понял, что ему больше нечего сказать.

Огромная, звенящая пустота заполнила его существо. Он перевел взгляд на окно, где за

стеклом качались голые ветви старого платана.

— Облегчить твою смерть — пожалуй, единственное, что я могу для тебя сделать, — негромко произнес он.

Пэй Чан протянул руку и щелкнул тумблером, отключая аппарат искусственного дыхания.

Старик широко распахнул глаза, в них заплескался дикий, животный ужас. Без кислорода его легкие судорожно сжались, и он забился на простынях, издавая хриплые, свистящие звуки.

Это длилось недолго, но каждая секунда казалась бесконечностью.

Умирать всегда страшно, особенно когда жизнь уходит крупца за крупцей, а ты ничего не можешь сделать.

Система 7008 испуганно смотрела на Пэй Чана, но тот до самого конца не отвел взгляда от окна.

Наконец хрипы прекратились.

В палате воцарилась гробовая тишина, прерываемая лишь ровным шумом кондиционера.

В самой темной глубине души Пэй Чана что-то окончательно оборвалось. Но боли не было. Кровь там высохла слишком давно, чтобы рана могла кровоточить.

Пэй Чан развернулся и твердым шагом вышел из палаты, ни разу не взглянув на застывший труп деда с неотыскавшими покоя, широко открытыми глазами.

Закат

Пэй Чан шел к дверям виллы, бережно держа в руках букет свежих цветов. Он поправил галстук и смахнул упавшую на лоб прядь волос.

На его губах играла легкая, счастливая улыбка.

Цинь Ихэ ждал его на пороге.

В лучах заходящего солнца они замерли друг против друга.

Пэй Чан дрожащими пальцами открыл бархатную коробочку с кольцом. По его щекам текли слезы, но он продолжал улыбаться:

— Цинь Ихэ, давай поженимся.

Монстр не мог ответить словами.

Его тело крупно вздрогнуло. Слезы сами покатались из черных глаз, а губы растянулись в широкой, вымученной улыбке.

Острые клыки до крови рассекли кожу, но он не почувствовал боли, упрямо пытаясь показать, как он счастлив.

Его ладонь по-прежнему выглядела пугающе: неестественно длинные, иссохшие пальцы, увенчанные черными, загнутыми когтями. Настоящая рука чудовища.

Пэй Чан дрожал так, словно его била лихорадка. Он осторожно, с благоговением надел кольцо на этот страшный палец и, склонив голову, нежно прижался губами к уродливой тыльной стороне ладони.

Он уткнулся лицом в эту холодную, нечеловеческую руку.

— Цинь Ихэ, если я умру раньше тебя... умоляю, съешь меня. Оставь во мне только себя.

Легкий ветерок шевельнул лепестки гардении.

Белый бутон в его петлице качнулся, и несколько чистых лепестков опустились на белоснежные волосы Пэй Чана.

Прошло много времени, прежде чем Цинь Ихэ приоткрыл пасть. Из его горла вырвался хриплый, тихий звук:

— Да.

Слезы Пэй Чана омыли серебряный ободок кольца. Он закрыл глаза и счастливо улыбнулся.

Красивый, властный Пэй Чан. Гордый и недостижимый для остальных.

Люди шептались, что у него есть все: древнее имя, неограниченное влияние, колоссальное богатство. Он казался всемогущим божеством.

Но было ли у него хоть что-то на самом деле?

Что оставалось у него, когда гасли огни?

Система 7008 молчала. Она не могла произнести ни слова.

Маленький эльф поднял голову к небу, наблюдая за кружащимися в воздухе лепестками гардении, которые в полумраке казались первыми хлопьями чистого, безмолвного снега.

Но главное — их заветное желание сбылось.

Единственным желанием Цинь Ихэ было еще раз увидеть Пэй Чана. А Пэй Чан, сам того не осознавая, всю жизнь мечтал лишь об одном — снова встретить Цинь Ихэ.

И теперь они были вместе.

<http://bllate.org/book/20309/2162587>